

— Нет.

— Я не буду.

Се Цзюнь признавал, что он человек прижимистый. Денег у него не было, поэтому он дорожил любой возможностью получить оплату за свой труд. В этом мире вряд ли могло найтись что-то, ради чего он стал бы рвать жилы больше, чем ради заработка.

Любовь?

К моменту, когда в следующем году выпадет снег, ему стукнет тридцать — возраст для мужчины немалый. Омега, забеременевший до свадьбы, любовник богача... как там это называют? Содержанка?

Не время рассуждать об идеалах.

Его самоопределение всё ещё было неточным. Вэнь Цзюэ, конечно, богата, но ведь она не замужем... Так что он в лучшем случае омега, которого содержат на стороне. Это всё же лучше, чем быть любовником, на которого все вокруг точат зуб.

Журналист на мгновение замер, но, желая сгладить неловкость, вежливо улыбнулся:

— Господин Се Цзюнь так заботится о своих фанатах! Вы, должно быть, очень любите сцену и тех, кто поддерживал вас все эти годы.

Се Цзюнь очаровательно моргнул:

— Именно поэтому все мои «Щуцзюань» должны изо всех сил поддержать наш новый фильм «Лекарство». Только так они смогут искупить ту печаль, что я испытываю, оставаясь одиноким столько лет... Ха-ха-ха... — Мужчина невзначай провел рукой по запястью, поправляя серебристую гарнитуру, которую нацепили для съёмок, чтобы она лучше вписалась в образ.

Вэнь Цзюэ прислонилась к дивану. На огромном проекционном экране каждое движение мужчины было видно до мельчайших подробностей. Медовый блеск для губ, оставшийся на гарнитуре, случайно коснулся губ мужчины на изображении.

Она вспомнила ту ночь. Ночь, когда не смогла сдержать свою духовную силу.

Она отложила пульт.

Рука потянулась к прозрачной стеклянной банке, стоявшей рядом, но пальцы нащупали лишь холодное стекло — внутри было пусто.

— Мин Цюээр. — Голос Вэнь Цзюэ прозвучал сквозь слои дворцовых дверей.

В комнату вошел честный и простодушный бета. Мин Цюээр был секретарем, присланным одной из ветвей королевской семьи, чтобы следить за повседневными делами и работой Ванцзюэ. Стоило той позвать, он всегда примчался бы в мгновение ока. У Мин Цюэера была своя вера: преклонение беты перед альфой, наделенной врожденной мощью.

— Ваше Высочество. — Во дворце он всегда придерживался правил обращения.

Вэнь Цзюэ подняла взгляд. В её глазах больше не было прежней мягкости, лишь холодное равнодушие.

— Где лекарство из банки?

Палец женщины постучал по стеклу — звук эхом разнесся по залу, пугающе четкий.

Мин Цюээр взглянул на шкафчик с запасами и испуганно округлил глаза.

Это была... месячная норма.

— Ваше Высочество, не слишком ли много вы приняли вчера? — Мин Цюээр подошел ближе, глядя на пустые банки на полу, на дне которых еще виднелись остатки белой сладкой пудры.

Вэнь Цзюэ потерла переносицу:

— За три дня съела шесть банок. — Голос её звучал безразлично, она словно не осознавала, насколько огромны эти цифры.

Мин Цюээр невольно перевел дыхание. Это лекарство... хоть побочных эффектов почти нет, но частое употребление... Ваше Высочество...

— Ваше Высочество... лекарство... Старый Ванцзюэ приказал прекратить выдачу. Сказал... только десять банок в месяц. Раз в этом месяце все съедено... больше нет. — Голос Мин Цюэера становился все тише; он уже чувствовал, как в комнате сгущается низкое давление.

— Позови того, кто готовит лекарство, — в голосе женщины промелькнул гнев.

Она редко выходила из себя, но сейчас была по-настоящему разгневана.

Мин Цюээр не сдвинулся с места. Он тихо покачал головой:

— Старый Ванцзюэ только и ждет, когда вы сами попадете в ловушку. Тот, кто готовит

лекарство...

Вэнь Цзюэ нахмурилась, массируя виски. Длинные волосы, спадавшие на плечи, делали её бледное лицо еще более изможденным. Но Мин Цюээр отчетливо видел, что в глазах этой альфы мелькнуло желание... пролить кровь.

— Если вам нехорошо, Ваше Высочество, может, сходите вечером на игру или скачки? — Мин Цюээр попытался отвлечь её.

Женщина на диване медленно поднялась. Шелк серебристого халата лениво облегал фигуру, обнажая ключицу с неглубоким следом укуса. Прошло два месяца, а он все еще не исчез — достаточное доказательство того, как сильно она тогда укусила.

— Мин Цюээр, какое сегодня число?

Последние четыре дня, после того как она закончила с текущими делами, пустота на запястье не давала ей покоя. Без привычного перекачивания буддийских четок подавленная тьма в душе начала расползаться по жилам, заставляя её сворачиваться в кокон в своем все более холодном теле.

— Десятое, Ваше Высочество, — ответил Мин Цюээр.

Еще один день. Осталось пять дней.

Вэнь Цзюэ машинально коснулась пустого запястья. Мин Цюээр, заметив это, поспешно добавил:

— Ваше Высочество, завтра вам стоит отправиться на виллу Цзяошань за четками... — Он полагал, что причина, по которой она так налегала на лекарство последние дни, заключалась в том, что она отдала четки господину Се Цзюню. Когда она раздражена, ей трудно сдерживать свою духовную силу.

Четки были так важны. С тех пор как он начал прислуживать ей, она никогда их не снимала. Три года назад, во время переговоров на границе, когда на флагмане вспыхнул бунт, четки упали в космос. Она, не задумываясь, прыгнула за ними и вернулась вся в ранах.

Раз они так важны... стоит забрать их поскорее.

Чем больше Мин Цюээр думал об этом, тем правильнее казался его вывод.

— На самом деле, после полуночи вы уже можете ехать на Цзяошань. Думаю, на вилле еще осталось немного лекарства... — Он добавил, помня о принципах своей госпожи: — К тому времени наступит пятый день.

Женщина опустила взгляд, потирая запястье. В её глубоких миндалевидных глазах на мгновение отразилось смутное, но тонкие губы остались безмолвны.

В дверях появился солдат-бета в темно-зеленой форме:

— Ваше Высочество Вэнь Цзюэ, Старый Ванцзюэ хочет вас видеть.

Дворец был полон вычурной резьбы. Чтобы подчеркнуть тотем каждого рода, добавленные элементы бросались в глаза издали: «Орел» семьи Хэсо. Это был не простой хищник, а Кроважидный орел, прошедший через десятки тысяч лет эволюции, обладающий самыми острыми когтями и самым пронзительным взглядом.

Он мог легко повалить взрослого альфу и растерзать его.

Орел с огромными крыльями, в два раза превышающими рост взрослого офицера, возбужденно кружил в воздухе, издавая радостные крики. Он приветствовал чистейшую кровь своего рода — Хэсо Вэнь Цзюэ.

Орел вытянул крылья, пытаясь опуститься над женщиной, но его крики лишь сильнее охладили взгляд Вэнь Цзюэ. Стоило ей бросить на него мимолетный взгляд, как орел, словно примороженный, сложил крылья и приземлился на балку.

Вэнь Цзюэ надевала мундир только в военном ведомстве или когда входила в этот дворец, чтобы подчеркнуть свой титул.

Её статная, сильная фигура идеально смотрелась в военной форме. Собранные темные волосы и фуражка делали её воплощением мощи альфы.

— Дедушка. — Вэнь Цзюэ отдала честь, приложив руку к левой стороне груди.

Старый Ванцзюэ, Хэсо Яти, чье имя было лишь пустой оболочкой, был слабым стариком-бетой. Его круглое лицо избороздили морщины, а черные глаза выглядели потухшими из-за опущенных век.

Он кивнул:

— Вэнь Цзюэ, ты пришла.

В молодости из-за своей слабости и того, что он был бетой, Хэсо Яти допустил упадок семьи, сделав её самой презираемой среди трех королевских родов. Позже, опираясь на поддержку Генерала армии, он кое-как удержал позиции, пока не родился сын-альфа. Только когда сын

вырос и начал бороться за влияние, дела семьи пошли на лад.

Сын был результатом вынужденного брака с чистокровным альфой. Вэнь Цзюэ также была продуктом этого союза, альфой с высокой духовной силой.

Поэтому старик твердо верил, что возрождение семьи возможно лишь через чистокровных потомков. Это было его долгом и единственным правильным делом в его никчемной жизни.

— Подойди. — Хэсо Яти поманил её рукой.

Вэнь Цзюэ подошла. Старик внимательно разглядывал внучку, в его узких глазах сквозило удовлетворение, как у мастера, любящего законченным шедевром.

— Твоя духовная сила должна была стабилизироваться, — голос Хэсо Яти звучал старчески, но требовательно.

— Да, дедушка, — ответила Вэнь Цзюэ. Голос её был ясным, но пугающе холодным.

Старика не интересовал ответ, его интересовало то, что он видел. Он протянул руку:

— Используй свою духовную силу, чтобы подавить меня. — В его глазах горело возбуждение, ожидание, невыразимое безумие.

Когда длинные пальцы Вэнь Цзюэ коснулись его руки, контраст между их кожей стал очевиден. На её безупречно чистом, почти прозрачном лице промелькнула тень холодной отчужденности.

Мин Цюээр, ожидавший снаружи, услышал стоны и жалобные звуки, доносившиеся из зала, но в них слышалось странное возбуждение... нечто пугающее.

В этот момент его терминал завибрировал. Пришло сообщение.

Отправитель: Господин Се Цзюнь.

— В такой глуши, и снимают какой-то мусор, холод собачий, — ворчали артисты восемнадцатого эшелона, нанятые мелкими спонсорами, пытаясь спрятаться от ледяного ветра, задувающего в щели.

Это была отдаленная планета. Режиссер, фанат суровой эстетики, притащил всю съемочную группу сюда для финальных съемок.

Те, кто был повыше рангом, сидели в глубине, где было хоть немного теплее.

— А-Цзюнь! — Ван Сяоцзин повысил голос, входя в импровизированную гримерку. Он был закутан с ног до головы, лицо выражало крайнюю тревогу. Увидев актеров, он поспешно понизил голос: — Прошу прощения, извините...

Все вернулись к своим делам, хотя уши наострили, надеясь услышать сплетни о главном герое.

Ван Сяоцзин огляделся и прошептал, наклонившись к Се Цзюню:

— А-Цзюнь... они постоянно требуют деньги, постоянно... Что делать?

Се Цзюнь, чей грим и без того делал его бледным, опустил глаза. Он был в отчаянии. Крепко сжав чашку, он стиснул зубы:

— Сходи на виллу Цзяошань, продай все чашки из красного лакированного шкафа... этого должно хватить на полмесяца.

Ван Сяоцзин кивнул, озираясь по сторонам:

— А... что будет потом?

— Иди давай, я сам разберусь. — Се Цзюнь снял гарнитуру, выдернув несколько прядей серебристых волос, которые были зафиксированы лаком. В его глазах смешались паника и раздражение.

Ван Сяоцзин кивнул. Он доверял кузену больше всего на свете, поэтому без вопросов сделает все, что тот скажет.

— Я пойду... ты тут осторожнее...

Ван Сяоцзин взял сумку и, почесав затылок, добавил:

— А-Цзюнь, если что-то случится, свяжись со мной, я буду на вершине того холма, там хоть какой-то сигнал ловит.

— Понял. — Се Цзюнь перебирал четки на запястье. Гладкая коричневая поверхность была отполирована до блеска — он постоянно тер их пальцами.

Это она терла их своей рукой.

Перебирая бусины, он снова и снова вспоминал ту лунную ночь.

Се Цзюнь признавал, что его покровительница виртуозно владеет искусством «оттолкни, чтобы притянуть».

После того дня в его ушах... звучал лишь её мягкий голос, когда она его отстранила.

— Возвращайся, увидимся через несколько дней.

Она улыбалась, была предельно вежлива, и по её спокойному выражению лица невозможно было понять, что у неё на уме. Но запах её феромонов, оставшийся на нем, заставлял его снова и снова проваливаться в эти воспоминания.

Се Цзюнь стоял на вершине холма, глядя на терминал — ответа не было. Он ждал слишком долго, и ветер выдул из его лица последние капли крови.

Он уже собирался уходить, как запястье завибрировало.

Он поспешно открыл сообщение — очередное требование об оплате счета.

Он тяжело вздохнул.

Надел гарнитуру. Серебристая подводка у глаз и гарнитура создавали на лице силуэт гордого журавля. Ветер развеивал его одежду, подчеркивая изящество черт.

Проходивший мимо рабочий пробормотал:

— Если бы господин Се Цзюнь был омегой, отбоя бы от него не было...

Се Цзюнь подождал еще немного, пока его не позвали:

— Господин Се Цзюнь, ваша очередь сниматься!

— Хорошо, — кивнул он.

Видя, что поле сообщения пусто, он с досадой что-то напечатал и отправил, после чего спустился с холма.

Рабочий подошел к нему:

— У нас тут еще сотрудничество с брендом обручальных колец, возможно, придется сделать еще один дубль...

Мин Цюээр ждал долго. Вэнь Цзюэ вышла, бледная, как полотно, но сохранившая военную выправку. Она расстегнула пуговицу на запястье, пытаясь нащупать четки, чтобы унять внутреннее отвращение, но замерла.

Запястье было пустым.

— Мин Цюээр... — позвала она.

Она повернула голову к бете и прикрыла глаза. Длинные ресницы дрожали от тяжелого дыхания.

Женщина, чувствуя во рту привкус крови, прохрипела:

— Мне нужен омега.

<http://bllate.org/book/21233/2148333>